

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2026-1-148-165

EDN: NABMKP

Власть и психологическая наука в Советской России: опыт взаимоотношений в первые постреволюционные годы

Никита Анатольевич Власов

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет. 129226, Москва, ул. В. Пика, 4/1

VlasovNA@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0001-6459-570X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимоотношений власти и психологии в период 1917–1920 гг. В ходе исследования были проанализированы меры по поддержке науки и способы давления на нее со стороны буржуазно-демократического и советского режимов, а также отношение к указанным правительствам со стороны самих ученых. На материале взаимодействия государственных органов с одной стороны и психологических учреждений (Психоневрологический институт, Психологический институт, Институт по изучению мозга и психической деятельности) и психологов (В. М. Бехтерев, Г. И. Челпанов, П. П. Блонский, С. Л. Франк) с другой, – был раскрыт опыт взаимоотношений в диаде «власть-психология». Утверждается, что представители обоих режимов в рассматриваемый период отечественной истории понимали ценность психологической науки для государства и общества, в силу чего оказывали материальную поддержку соответствующим научным учреждениям даже в условиях непростого экономического положения в стране. Показано, что представители и буржуазно-демократической, и Советской власти понимали ценность психологов, поэтому были ориентированы на сохранение кадров такого рода. В завершении статьи делается вывод о том, что взаимоотношения между властью и психологической наукой в период 1917–1920 гг. имели в целом положительный характер, который, по всей видимости, определялся их взаимной потребностью друг в друге.

Ключевые слова: история психологии; отечественная психология; Психоневрологический институт; Психологический институт; В. М. Бехтерев; Г. И. Челпанов; П. П. Блонский; С. Л. Франк

Для цитирования: Власов Н. А. Власть и психологическая наука в Советской России: опыт взаимоотношений в первые постреволюционные годы // Ярославский педагогический вестник. 2026. № 1 (148). С. 165–176. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-165>. <https://elibrary.ru/NABMKP>

Original article

Power and psychological science in Soviet Russia: the experience of mutual relations in the first post-revolutionary years

Nikita A. Vlasov

Candidate of psychological sciences, associate professor, department of psychology, conflictology and behavioral studies, Russian state social university. 129226, Moscow, V. Pik st., 4/1

VlasovNA@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0001-6459-570X>

Abstract. The article examines the peculiarities of the relationship between power and psychology in the period 1917–1920. The study analyzed measures to support science and ways of putting pressure on it from the bourgeois-democratic and Soviet regimes, as well as the attitude of scientists towards these governments. Based on the interaction of government agencies, on the one hand, and psychological institutions (Psychoneurological Institute, Psychological Institute, Institute for the Study of the Brain and Mental Activity) and psychologists (V. M. Bekhterev, G. I. Chelpanov, P. P. Blonsky, S. L. Frank) on the other hand, the experience of relationships in the dyad «power-psychology» was revealed. It is argued that representatives of the both regimes in the period of Russian history under review understood the value of psychological science for the state and society, that is why they provided financial support to relevant scientific institutions even in the difficult economic situation in the country. It is shown that representatives of the both bourgeois-democratic and Soviet authorities understood the value of psychologists, that is why they were focused on preserving such personnel. At the end of the article, it is concluded that the relationship between the government and the psychological science in the period 1917–1920 was generally quite positive, which, apparently, was determined by their mutual need for each other.

Key words: history of psychology; russian psychology; Psychoneurological institute; Psychological institute; V. M. Bekhterev; G. I. Chelpanov; P. P. Blonsky; S. L. Frank

For citation: Vlasov N. A. Power and psychological science in Soviet Russia: the experience of mutual relations in the first post-revolutionary years. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2026; (1): 165-176. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-165>. <https://elibrary.ru/NABMKP>

Введение

Опыт взаимоотношений между властью и учеными-психологами получил достаточно подробное освещение как в литературе советского периода, например, в трудах Е. А. Будиловой [Будилова, 2008], А. В. Петровского [Петровский, 1967] и М. Г. Ярошевского [Ярошевский, 1985], так и в более современных работах В. А. Кольцовой [Кольцова, 1997], С. А. Богданчикова [Богданчиков, 2013; 2014] и др. Если говорить о первом десятилетии, прошедшем с момента Февральской революции, то указанные авторы в основном анализировали те события, которые происходили в 1920-е годы в отечественной психологии (ликвидация философского и интроспективного (эмпирического) течений, расцвет педологии и психотехники, кратковременный взлет и падение психоанализа, усиление позиций поведенчества и т. п.), уделяя мало внимания процессам, произошедшим в период от падения самодержавия до 1920 года. Зачастую историки психологии ограничиваются тем, что указывают ученых, принявших или не принявших новую власть, оценивают степень их включенности в социалистическое строительство, делают акцент на материальных трудностях в годы Гражданской войны, описывают нарушения хода привычной исследовательской работы и т. д.

Существует тезис о том, что наука является довольно инертной областью человеческой жизни, особенно наука фундаментальная (теоретическая), причем не в последнюю очередь по причине ее относительной оторванности от практической жизни (здесь вспоминается классическая легенда об Архимеде, который решал математическую задачу во время падения Сиракуз под натиском римлян). Вместе с тем не следует забывать и то, что наука, будучи социальным институтом, есть плоть от плоти общества, она связана с ним огромным количеством нитей будучи частью его, а, значит, социальные потрясения, такие как революции и войны, должны сказываться и на ней.

В 1917 году Россия меньше чем за год, а точнее за 7 месяцев, пережила две смены власти, причем в ходе первой была разрушена просуществовавшая в стране сотни лет монархия, а в ходе

второй к власти пришли радикалы, чьи политические идеи казались в те годы многим образованным людям чем-то совершенно немыслимым. Иными словами, два настолько радикальных перелома хода общественной жизни не могли не сказаться на науке в целом и на психологии в частности.

Исходя из приведенных выше соображений, целью исследования стало раскрытие специфики отношений между властью (буржуазно-демократической и советской) и психологией в период 1917–1920 гг. в более широком контексте отношений между государством и наукой в целом.

Результаты исследования

Отношения между властью и наукой в период между Февральской и Октябрьской революциями. Пришедшее к власти после Февральской революции Временное правительство было ориентировано на поддержку науки и ученых. И это не должно вызывать удивление, так как из 37 человек, входивших в ряд его составов с марта по октябрь 1917 года, было 6 профессоров и один академик [Кислицын, 2008, с. 30]. Был предпринят ряд мер, положительно воспринятых ученым сообществом (создание Комиссии по ученым учреждениям, открытие новых университетов, демократизация системы образования, реорганизация Академии наук, отмена цензуры и др.) [Алексеев, 2022]. Постановлением от 11 марта 1917 года в высшую школу возвращались ученые с мировыми именами, покинувшие ее или уволенные в дореволюционные годы – Н. Д. Зелинский, В. М. Хвостов, С. А. Чаплыгин, А. А. Кизеветтер, В. И. Вернадский, М. А. Мензбир и др. [Сизова, 2023]. Вместе с этими мерами поддержки были предприняты шаги, направленные на «выдавливание» из университетов тех ученых, которые были назначены в годы царской реакции; так, профессорам предлагали подать в отставку, управленческие кадры заменялись лицами, получившими должность на основании выборов в советах вузов (например, покинул пост ректора Московского университета убежденный монархист М. К. Любавский, сменились ректоры в Томском и Киевском университетах). Однако в целом назвать жесткой политикой Вре-

менного правительства по отношению к «реакционным» ученым нельзя.

В дореволюционный период многие представители научной интеллигенции были связаны с господствующими классами Российской империи, входили в руководство либеральных партий (особенно партии кадетов) и определяли их идеологию, являлись авторами партийных программ и редакторами демократически ориентированных журналов, заседали в Государственной думе [Клушин, 1971]; поэтому вполне закономерной видится та поддержка, которую получило Временное правительство от деятелей науки, особенно в самом начале своего существования. В. А. Бутенко, Е. В. Тарле, М. И. Туган-Барановский, В. Э. Грабарь и многие другие ученые восторженно приветствовали падение самодержавия [Сизова, 2023].

В весенние дни 1917 года многим деятелям науки казалось, что эта «бескровная» революция открыла путь для дальнейшего мирного преобразования общества; будучи в массе своей сторонниками либеральных взглядов, российские ученые не разделяли радикальных социалистических воззрений, согласно которым страна могла перейти к «светлому будущему» исключительно насильственным путем. Кадетское профессорское большинство, приветствуя переход власти к Временному правительству, рассматривало его не только с точки зрения потенциальных позитивных изменений в области политики, но и положительных изменений в сферах науки и образования.

В ходе послепефевральской трансформации системы государственной власти происходила интеграция в нее деятелей науки. Так, министром народного просвещения стал бывший ректор Московского университета А. А. Мануйлов, а его заместителями («товарищами») стали профессора Д. Д. Гримм, О. П. Герасимов и Д. С. Зернов; в августе в новый состав Временного правительства в качестве министра народного просвещения вошел академик С. Ф. Ольденбург, его заместителем стал В. И. Вернадский; в последнем составе Временного правительства (с сентября 1917 года) министром народного просвещения стал профессор С. С. Салазкин, товарищем которого был назначен профессор А. В. Чаянов, посты заместителей других ведомств получили С. А. Котляревский и А. И. Астров [Сизова, 2023].

Однако не все ученые восторженно приняли Февральскую революцию. В. В. Бартольд, П. Г. Виноградов и Н. И. Кареев, будто предвидя

те несчастья, которые ждут страну в будущем, отнеслись к падению самодержавия скептически. Ученые, приветствовавшие Временное правительство, постепенно в нем разочаровывались – сказывалась его неспособность решить наиболее насущные проблемы, нарастание кризисных явлений в социальной сфере, экономике и на фронте. Деятели науки начинают осознавать, что новая власть не только не в состоянии изменить ситуацию к лучшему, но и ведет страну к катастрофе; так, Ю. В. Готье написал: «Вынуты душа и сердце. Разбиты все идеалы. Будущего нет. Россия погибает ... Мы годны действительно только, чтоб быть навозом для народов высшей культуры» [Готье, 1997, с. 31]. В схожем ключе выдержан текст телеграммы, которую совет Московского университета направил в июле 1917 года Временному правительству: «Россия гибнет; памятуя, что всякое промедление приближает нас к крушению свободы, не дайте истории сказать, что Россию погубила революция» [Сизова, 2023, с. 85]. Вконец разочаровавшись в новой власти, в сентябре 1917 года покинул пост министра народного просвещения С. Ф. Ольденбург, его товарищ В. И. Вернадский подал аналогичное прошение, однако его просьба не была удовлетворена [Алексеев, 2022].

Отношения между властью и наукой в первые годы Советской власти. Как и в случае царского режима, отношение большевиков к ученым было двойственным: с одной стороны, большая часть деятелей науки виделась им чуждой (и по социальному происхождению, так как подавляющее большинство ученых того периода было родом не из рабоче-крестьянской среды, и по идеологии, так как ученые в основном придерживались либеральных взглядов); с другой, новая власть прекрасно понимала, что без науки Россия, и без того отсталая в экономическом и техническом плане, попросту не выживет. Поэтому политика большевиков по отношению к науке и к ученым на протяжении всех лет Советской власти будет отличаться той же двойственностью, в которой будут сочетаться догматические и прагматические составляющие.

Совершив переворот в октябре 1917 года, большевики начали планомерно уничтожать то, что считали наиболее отрицательным наследием прошлых, царского и «февральского», режимов. Проводя «политику равноправия», СНК 1 октября 1918 года издал декрет «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Россий-

ской Республики», согласно которому упразднялись ученые степени и звания по причине их «сословного» характера (так как в дореволюционные годы существовало соответствие позиции ученого с позицией в Табеле о рангах). Этот же декрет упрощал процедуру аттестации научных кадров, а также вводил только две категории обучающихся (профессор и преподаватель) вместо старых пяти (заслуженный, ординарный, экстраординарный профессор, адъюнкт-профессор и приват-доцент). Были предприняты шаги по усилению сменяемости научных и педагогических кадров, в том числе исключение из профессорско-преподавательского состава учебных заведений лиц, чей стаж работы превышал 10 (в одном заведении) или 15 (общий) лет, и которые могли занять соответствующие должности только по результатам всероссийского конкурса, процедура участия в котором была прописана в Положении «О всероссийских конкурсах на замещение кафедр высших учебных заведений Российской Республики» [Долгова, 2024, с. 37–38]. Естественно, что такие шаги были негативно восприняты научным сообществом, особенно той его частью, которая напрямую пострадала от действий новой власти.

После Октября наступление на науку начали сторонники Пролеткульта (Пролетарские культурно-просветительские организации) – массовой культурно-просветительской и литературно-художественной организации пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения. Его главный идеолог А. А. Богданов считал, что «старая» («буржуазно-помещичья») наука была необходима для угнетения трудящихся, и теперь, после Октябрьской революции она должна быть уничтожена и заменена на «новую» («пролетарскую») [Огурцов, 2011].

В идеологии Пролеткульта нашли свое отражение антисциентистские настроения ряда рабочих, их ультрареволюционное отрицание всего старого, в том числе культуры и науки как ее составляющей («Весь мир насилья мы разрушим до основанья...»). Десятилетиями угнетаемые и не особо образованные массы видели в ученых наследников «старого мира»: для многих из них деятель науки представлял собой оторванного от жизни «барина» или «буржуя» [Фрумкин, 2022], заумного и достаточно богатого по меркам трудящихся. Указанного вполне достаточно для того, чтобы поднявшиеся на гребне революции к активной политической жизни пролетарии и полупролетарии испытывали неприязнь или да-

же откровенную ненависть к деятелям науки, что и было реализовано в идеологии Пролеткульта.

Действия пролеткультовцев не нанесли бы большого вреда науке, если бы не нашли поддержку у представителей власти. Так, нарком просвещения А. В. Луначарский, сам человек высочайшей *дореволюционной* культуры и в конце 1910-х годов сторонник этого движения, писал: «В основу пролетарской культуры предлагают положить полную противоположность ее старой культуре, и творцы этой культуры говорят, что главным признаком того, что они угадали правильный путь, будет полное несходство новой культуры со старой» [Луначарский, 1960, с. 115].

Помимо наступления на «старую» науку со стороны Пролеткульта, давление Советской власти на ученое сообщество проходило и по чисто политической линии. В сентябре-октябре 1919 года были арестованы более 20 сотрудников Петроградского университета [Сизова, 2023]. В 1920 году ВЧК был разгромлен антибольшевистский «Тактический центр» [Фрумкин, 2022].

Репрессии новой власти против ученых не могли не вызвать протеста как со стороны деятелей науки, так и со стороны других представителей культуры. Так, ректор Петроградского университета А. А. Иванов писал А. В. Луначарскому, что аресты преподавателей грозят университету «полным расстройством его академической жизни и вообще всякой деятельности» [цит. по: Сизова, 2023, с. 87]; секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург в письме академику П. П. Лазареву, написанному в 1919 году, просил: «Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот умный человек и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть» [Академия наук ... , 2000, с. 9].

Параллельно с политикой репрессий в отношении науки Советская власть принимала серьезные шаги по ее поддержке. Представления большевиков о ценности науки в деле построения нового общества нашли отражение в соответствующих документах [Из отчета Научного отдела ... , 1968; Протокол заседания ... , 1968].

В. И. Ленин прекрасно понимал, что научная интеллигенция в массе своей отрицательно отнеслась к Октябрьскому перевороту и первым действиям Советской власти; он также понимал, что без науки революция может погибнуть, в силу чего в своих выступлениях и работах неустанно выступал в поддержку «старорежимных» ученых (впрочем, не забывая указывать на то, что такое отношение к ним диктуется сло-

жившимися обстоятельствами, и что он осознает их «порочное» социальное происхождение). Стремление направить потенциал науки на решение важнейших задач, стоявших перед народным хозяйством, видно в работе В. И. Ленина «Набросок плана научно-технических работ» (1918) и в Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) [Долгова, 2024]. В последнем документе указывался целый ряд шагов по поддержке науки, в том числе создание сети научно-исследовательских институтов, лабораторий, учет и организация всех научных сил с целью поднятия производительных сил страны, сохранение высокого вознаграждения за труд, система премий за успешную работу [Из программы Российской ... , 1981, с. 219; Иванова, 1980]. В первые годы Советской власти были созданы Государственный радиологический институт, Государственный оптический институт, Институт физико-химического анализа, Государственный институт здравоохранения [Фрумкин, 2022]. 23 декабря 1919 года вышел декрет СНК «Об улучшении положения научных специалистов», в котором указывался ряд мер по поддержке представителей науки.

В годы Гражданской войны материальное положение ученых, в дореволюционные годы бывших относительно обеспеченными людьми, стало чрезвычайно тяжелым. Многим из них в силу возраста было трудно адаптироваться не только к социальным, но и к бытовым изменениям, порой носившим катастрофический характер [Сизова, 2023, с. 88]. В. Г. Богораз-Тан писал о тех годах: «Каждый из нас потерял свое место под солнцем, свое привычное гнездо, и пищу, и кров, и всякие решительно доходы, безгрешные и грешные, буржуйные и также трудовые, и вдруг очутился на самом распутье дорог, нагой и босой под ревушем ливнем грозы» [цит. по: Клушин, 1971, с. 24]. В первые послереволюционные годы, не выдержав испытаний и потрясений, из 40 членов Академии наук умерло 12 человек, то есть треть ее состава [Соболев, 2017, с. 424]. П. А. Сорокин вспоминал: «Себя мы называли “троглодитами”. Не то, чтобы мы жили в пещерах, но уверен: настоящие пещерные люди имели больше удобств, чем было у девяносто пяти процентов населения Петрограда в 1919 году [...] Несколько дней назад повесился профессор Хвостов. Вчера профессор Иностранцев принял цианистый калий [...] Умирают от тифа, гриппа, воспаления легких, холеры, исто-

щения и от всех десяти казней египетских» [Сорокин, 2024, с. 341–343].

31 января 1920 года в Петрограде открыли Дом ученых, при котором была создана Комиссия улучшения быта ученых (КУБУ) во главе с А. М. Горьким; в деятельности этой организации принимали активное участие академики С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, начальник Военно-медицинской академии В. Н. Тонков [Никифоров, 2023, с. 217]. Стремясь материально поддержать вымирающих деятелей науки в масштабах страны, годом позже была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) при СНК РСФСР – исполнительный орган, задачей которого являлось создание рабочих условий для научно-технической и творческой интеллигенции страны в условиях Военного коммунизма [Долгова, 2024].

Фактом является то, что многие ученые конца 1910-х годов относились к Советской власти отрицательно. «Большевики, – писал Ю. В. Готье, – истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова – это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены» [Готье, 1997, с. 155]. Оценку новой власти как репрессивной по отношению к научной интеллигенции можно найти в воспоминаниях П. А. Сорокина: «Как? Вас еще не расстреляли? – воскликнул мой друг профессор Радлов, – за несколько страниц вашей книги, например, за 142-ю страницу, вы заслужили у нашего правительства расстрел, и даже не один. Никто, кроме вас, не публиковал такую резкую критику существующего режима» [Сорокин, 2024, с. 345].

Учитывая такие настроения, не удивительно, что ученые оказали сопротивление Советской власти. По призыву «Союза союзов», Всероссийского союза учителей и других организаций часть учителей, профессуры и инженеров объявили саботаж; 26 октября 1917 года на общем собрании Академического союза Петрограда был принят «Протест академического союза» с призывом не поддерживать Советскую власть [Клушин, 1971, с. 23]. Через несколько дней после Октябрьского переворота директора и советы всех российских университетов выступили за непризнание Совета народных комиссаров. В конце декабря 1917 года некоторые газеты опубликовали «Воззвание ученых Петрограда», в котором революция оценивалась как «великое бедствие», обрушившееся на Россию, а сами

большевики именовались «узурпаторами»; правление «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» призвало медиков «принять участие в борьбе с надвинувшейся реакцией» [Алексеев, 2022]. 29 декабря на Годичном собрании Российской академии наук виднейшие ученые заявили, что «темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на путь гибели» [цит. по: Кислицын, 2008, с. 31]. Развернулся массовый саботаж со стороны интеллигенции, в том числе научной.

Однако саботаж не был единственной формой борьбы с большевиками. Некоторые ученые открыто примкнули к силам контрреволюции. Так, экономист П. Б. Струве вошел в состав Особого совещания (законосовещательный и распорядительный орган управления антибольшевистских сил на Юге России) при генерале А. И. Деникине [Клушин, 1971], философ В. В. Зеньковский был министром исповеданий в правительстве гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского. С различными белогвардейскими правительствами сотрудничали представители профессорско-преподавательского состава вузов, оказавшихся на «их» территории; профессура Казанского университета приветствовала Комуч, а после его поражения бежала на Восток, дабы не остаться «под Советами» [Сизова, 2023]. На территориях, подконтрольных силам контрреволюции, научная деятельность не прекращалась даже в тяжелейших условиях Гражданской войны, велись занятия в вузах (в частности, философ С. Н. Булгаков стал профессором политической экономии и богословия в открытом в 1918 году Таврическом университете в Симферополе), был создан Институт исследования Сибири [Кислицын, 2008].

Большевики не могли не заметить такое отношение ученых к себе. В речи, произнесенной на I Всероссийском учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. В. И. Ленин отметил: «Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности» [Ленин, 1979, с. 89].

Несмотря на то, что большая часть научной интеллигенции отрицательно отнеслась к новому режиму, многие ученые продолжали работать в Советской России, справедливо считая, что их труд нужен стране и народу. К таковым можно отнести И. П. Павлова, Н. Е. Жуковского,

К. Э. Циолковского, А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана и др. [Клушин, 1971; Федюкин, 1968]. Некоторые из указанных деятелей науки более активно стали поддерживать Советскую власть лишь со временем.

Поняв, что большевистский режим нельзя считать временным явлением, на сотрудничество с ним пошли члены Академии наук [Долгова, 2024]. 19 февраля 1918 года была принята резолюция комиссии, избранной Общим собранием Академии для рассмотрения предложенного Советским правительством проекта мобилизации науки для нужд государственного строительства, в которой указывалась готовность этой организации к продуктивному взаимодействию с новой властью.

Большевиков открыто и практически сразу поддержали лишь немногие ученые, в том числе К. А. Тимирязев, Д. С. Рождественский, Н. М. Тулайков, А. А. Богомолец и некоторые другие. Эти деятели науки считали, что большевики действуют в интересах основной массы населения страны, что Советская Россия является наследницей «исторической России», а те трудности, с которыми столкнулись ученые, являются временными, и их можно перетерпеть ради того светлого будущего, о котором говорили коммунисты.

Тем не менее, научный потенциал страны в послеоктябрьские годы понес существенный урон, причем не только по причине материальных трудностей, но и из-за эмиграции многих крупных ученых; так, за рубеж уехали С. И. Метальников, К. Н. Давыдов, А. А. Максимов, Ф. Г. Добржанский и др. [Алексеев, 2022].

Отношения между властью и администрацией ведущих психологических учреждений страны. Для того, чтобы определить специфику отношений между постмонархическими режимами и психологической наукой, следует для начала обратиться к тому, в каком духе выстраивалось взаимодействие между буржуазно-демократическим и советским правительствами, с одной стороны, и двумя (а с 1918 года – тремя) ведущими психологическими учреждениями страны, с другой.

В начале своего существования, то есть с 1907 года, Психоневрологический институт пользовался поддержкой царских властей, однако к февралю 1917 года он оказался на грани закрытия по причине оппозиционной активности его преподавателей и студентов. После свержения самодержавия репутация Психоневрологиче-

ского института как оппозиционного царскому режиму учреждения в глазах новой власти (и Временного правительства, и Совнаркома) была оценена по достоинству. Ушли в прошлое попытки закрыть его. В условиях реализации курса на демократизацию образования в стране институт, следуя политике властей, предпринимал действия по допущению к учебе самых широких слоев населения.

После установления советской власти В. М. Бехтерев, опираясь на свой научный и общественный авторитет, смог добиться улучшения материального положения своего детища, в том числе получить новые помещения для него [Райков, 2011]. Таким образом, руководство Психоневрологического института смогло не только добиться получения финансирования и не допустило ликвидации своего учреждения при царском режиме, но и нашло общий язык с новой революционной властью, заручившись его материальной и моральной поддержкой.

Если сравнивать политическую жизнь в предреволюционные годы Психологического института в Москве и столичного Психоневрологического института, то она окажется намного более спокойной. Построенный на деньги мецената С. И. Щукина, он был государственным учреждением и входил в состав Московского университета. Идеологически нейтральный курс Г. И. Челпанова был направлен на то, чтобы деятельность его учреждения в целом соответствовала политике государства, каким бы оно ни было; это позволило директору сохранить Психологический институт и при самодержавии, и при Временном правительстве, и при Советской власти, причем имя покойной жены своего благодетеля С. И. Щукина, социально чуждого большевикам фабриканта, он носил до 1924 года (!).

Хорошей иллюстрацией советской политики в области науки может служить создание в 1918 году Института по изучению мозга и психической деятельности. Инициатором создания этого учреждения был В. М. Бехтерев, направивший в правительство соответствующий проект. 17 мая 1918 года Малая государственная комиссия по просвещению постановила признать создание нового института «приемлемым» [Выписка из протокола ... , 1968, с. 251], а 5 июня того же года положительное заключение на этот проект дал директор Психологического института Г. И. Челпанов. В итоге Институту по изучению мозга и психической деятельности было выделено финансирование, причем в весьма непро-

стое для страны время, ему предоставили бывший дворец Великого князя Н. Н. Романова в Петрограде [Логинова, 2005].

Отношения между властью и отдельными психологами. Для более глубокого рассмотрения отношений между властью и психологией в 1917–1920 гг. необходимо перейти к анализу взаимовосприятия постмонархических режимов и конкретных ученых. Для этого мы отобрали четырех крупных отечественных психологов той эпохи, с известными политическими симпатиями и антипатиями: «прогрессивного общественного деятеля» В. М. Бехтерева, «политически безличного» Г. И. Челпанова, социалиста-революционера П. П. Блонского и конституционного демократа С. Л. Франка.

Карьера В. М. Бехтерева в царской России довольно продолжительное время шла в гору: к 1900 году он был уже доктором медицины, профессором, академиком, имел ряд государственных наград (ордена Св. Владимира и Св. Станислава) и научных премий (золотая медаль Санкт-Петербургской Академии наук, премия Бэра); ему позволяют открыть экспериментально-психологическую лабораторию при Казанском университете, Казанское неврологическое общество, клинику нервных болезней в Военно-медицинской академии, дают возможность выпускать журнал «Неврологический вестник». Однако по мере нарастания кризисных явлений в обществе отношения В. М. Бехтерева и властей начинают постепенно ухудшаться. Созданный им Психоневрологический институт довольно быстро стал местом концентрации оппозиционной профессуры и студенчества, а сам ученый в ряде своих выступлений и публикаций критически отзывался о существующих в стране порядках. По этим причинам незадолго до начала Первой мировой войны его лишают заведования кафедрой в Военно-медицинской академии и не утверждают в качестве президента Психоневрологического института.

Неудивительно, что В. М. Бехтерев с энтузиазмом встретил падение самодержавия. Дочь ученого Екатерина Владимировна вспоминала: «В Февральскую революцию на Каменноостровском мосту встретила отца с красной лентой на груди, едущего в автомобиле с необычайно возбужденным и радостным лицом: “Катя! У нас объявлена республика!”» [цит. по: Никифоров, 2023, с. 205]. В новых условиях академик еще активнее включился в общественную жизнь, в том числе как делегат от Психоневрологического ин-

ститута, участвовал в Государственном совещании, организованном Временным правительством и проходившем в здании Большого театра в Москве, и на котором произошел раскол между умеренными и революционными группами.

Позитивно В. М. Бехтерев отнесся к Октябрьской революции, хотя она и лишила его всех званий, чинов и привилегий. В условиях забастовок учителей, врачей и чиновников, он одним из первых предложил свои услуги новой власти, принял Брестский мир как единственно верное в сложившейся обстановке решение. Когда был создан Ученый совет при Наркомате здравоохранения, то В. М. Бехтерев вошел в его состав. Оценивая результаты большевистского переворота, он указывал в 1919 году на то, что русская революция раскрепостила пролетариат, дала ему права, улучшила его материальное положение. Научные и образовательные проекты ученого, особенно Психоневрологический институт и Институт по изучению мозга и психической деятельности, пользовались поддержкой со стороны Советской власти, о чем мы писали выше.

Намного более ровной выглядит в начале XX века политическая биография Г. И. Челпанова. В начале 1910-х годов создает Психологический институт при Московском университете, пользуясь поддержкой С. И. Щукина (который поставил обязательным условием назначение ученого на пост директора данного учреждения) и властей; в 1917–1920 гг. сменяется четыре ректора, однако Г. И. Челпанов остается на своей должности. Революционные преобразования слабо коснулись его детища, работа в нем велась по еще дореволюционным планам и программам, сам директор был одним из тех, кто согласился сотрудничать с Советской властью [Петровский, 1967]. В 1919 году он, будучи сторонником идеалистических взглядов (!), становится деканом факультета философии Московского университета (возникшего в ходе разделения историко-филологического факультета) [Марцинковская, 2016а].

Способность сохранять свое положение и при самодержавии, и при Временном правительстве, и при Советской власти (до 1923 года) объясняется «политической безличностью» Г. И. Челпанова [Блонский, 1971, с. 61]. Идеологически практически нейтральный, он был в целом лояльным любому режиму, так как его нельзя считать ни социалистом (хотя бы за книгу «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе»), ни консерватором (по свидетельству П. П. Блонского, в период студенческих забасто-

вок в Киеве его как бы надо было «полунасиленно» заставлять читать лекции лояльным самодержавию учащимся), ни либералом (в 1911 году он не поддержал своих коллег по Московскому университету в их конфликте с министром народного просвещения Л. А. Кассо).

Более драматично складывалась жизнь П. П. Блонского. К 1917 году он имел за плечами членство в партии социалистов-революционеров и три ареста (в 1903, 1905 и 1906 годах) [Марцинковская, 2016б]. Февральскую революцию ученый воспринял в целом положительно, однако не с восторгом (вполне возможно, что такая оценка была им дана позже, во время написания мемуаров в 1930-х годах); он указывал на то, что ему было дискомфортно находиться в среде преподавателей, большинство из которых были кадетами. В мае 1917 года он снова вступил в партию эсеров, откуда вышел месяц спустя, не желая работать с теми, кто готовит диктатуру генерала Л. Г. Корнилова. Зато: «Победу Октябрьской революции я встретил радостно. Моя предшествующая жизнь внушала мне ненависть к буржуазии и вообще к “высшему классу”. Поражением его я мог быть только очень доволен. Началась эпоха Октябрьской революции, самая счастливая эпоха в жизни многих миллионов людей, в том числе и в моей жизни» [Блонский, 1971, с. 144]. Отрицательно отнесся к антисоветской забастовке учителей, из-за чего разошелся со многими своими старыми знакомыми.

П. П. Блонский искренне включился в строительство социализма в стране, начиная с 1919 года принимал непосредственное участие в работе массовых московских школ, Московского отдела народного образования, издавал работы по проблемам психологии и педагогики в новых условиях; Советская власть заметила молодого и активного ученого и назначала его на ответственные посты – руководство Московской академией народного образования. В 1921 году по рекомендации Н. К. Крупской П. П. Блонский стал членом научно-педагогической секции Государственного учёного совета (ГУС) [Марцинковская, 2016б].

В оппозиции к самодержавию состоял философ и психолог С. Л. Франк, который в студенческие годы был марксистом, а после ареста и высылки перешел на либеральные позиции и вступил в конституционно-демократическую партию. Как и многие другие русские ученые в 1917 году, С. Л. Франк позитивно оценил падение самодержавия и даже отмечал, что в новой

России совершается «огромной важности государственное строительство» и совершается «необыкновенно быстро и успешно» [цит. по: Знаменский, 1988, с. 101]. В сентябре 1917 года он возглавил историко-филологический факультет Саратовского университета, покинув беспокойный Петроград [Левицкий, 1996].

С. Л. Франк резко негативно воспринял Октябрьскую революцию, увидев в ней причину крушения культуры и общества. В этих условиях, учитывая отмену ученых степеней и званий, он не смог защитить в качестве докторской диссертации свою работу «Душа человека». В 1918 году им и рядом других философов (С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.) был подготовлен сборник «Из глубины», ставший своеобразным продолжением изданных девятью годами ранее «Вех». Он был окончательно готов к печати к осени 1918 года, но вскоре издание его стало невозможно, и он пролежал вплоть до 1921 года, когда его все-таки опубликовали (в литературе существуют различные точки зрения на то, насколько ВЧК было информировано об этом сборнике еще до его выхода в свет).

Оценивая положение в стране после Октябрьской революции, ученый писал в статье «De profundis»: «Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба» [Франк, 2009, с. 871]. До самой своей высылки из страны в 1922 году на «Философском пароходе» С. Л. Франк совместно с Н. А. Бердяевым работал в Академии духовной культуры и Московском университете [Аляев, 2017].

Заключение

Отношения власти и науки в период между Февральской революцией и Октябрьской напоминают классическую смену идеализации объекта восхищения его же обесцениванием. Новая власть рассчитывала получить верных сторонников и дельных помощников в реализации своих замыслов либерального переустройства России; ученые надеялись, что Временное правительство сможет обуздать революционную стихию и навести в стране порядок, не проливая крови и опираясь на демократические принципы. Чем больше деятели науки разочаровывались в «фев-

ральской» власти, тем больше эта власть начинала подозревать их в нелояльности. Бессилие Временного правительства в решении разрушающих страну проблем к лету 1917 года было уже более чем заметным, став к октябрю 1917 года совершенно очевидным; на этом фоне неверие в позитивное будущее и ощущение надвигающейся катастрофы стали весьма распространенными среди представителей научной интеллигенции.

Буржуазно-демократический режим рассматривал Психоневрологический институт и лично В. Б. Бехтерева, П. П. Блонского и С. Л. Франка как пострадавших от самодержавия и, естественно, благоволил им; Психологический институт и Г. И. Челпанов, будучи демонстративно аполитичными, не рассматривались Временным правительством в качестве сторонников монархии. Взяв курс на модернизацию системы образования в стране, «февральская» власть старалась, по мере своих постепенно слабеющих сил и возможностей, найти общий язык со всеми учеными, которые не были совсем уж скомпрометированы сотрудничеством с самодержавием, и это отношение распространялось и на психологов. Психологи же, в свою очередь, в целом позитивно оценивали этот режим, однако кратковременность его существования не позволила им принять заметное участие в большей степени намеченных, нежели предпринятых реформах.

Оценивая особенности отношений между властью и наукой в первые годы после Октябрьской революции, следует сказать следующее: во-первых, отношение большевиков к ученым отличалось двойственностью, которая будет сохраняться, в большей или меньшей степени, на протяжении всего существования советского строя (власть будет и карать ученых, и их поддерживать, видя в большинстве их них одновременно и идеологических оппонентов, и необходимый для страны ресурс); во-вторых, большевики зачастую положительно реагировали на просьбы ведущих представителей научного сообщества, стремясь поддерживать рабочие отношения с ними (например, когда была необходима материальная поддержка Академии наук, в том числе дровами для отопления помещений этой организации, или когда требовалось унять чрезмерно ретивых пролеткультовцев, действия которых вошли в противоречие с общей политикой большевиков по мобилизации всех имеющихся в стране ресурсов в условиях Гражданской войны); в-третьих, в результате ряда обстоятельств произошло размежевание представителей науч-

ной интеллигенции в их отношении к Советской власти, в силу чего образовались три «лагеря» – (1) тех, кто явно отрицательно отнесся к новому режиму (они открыто перешли на сторону белых, либо скрыто вели борьбу с красными на территории РСФСР, либо отправились в эмиграцию), (2) тех, кто в целом негативно воспринял большевистский переворот, но остался в стране и продолжил заниматься научной деятельностью, и (3) тех, кто сразу активно поддержал Советскую власть и согласился работать в новых условиях, причем постепенно ученые из второго «лагеря», видя результаты научной политики большевиков и их успехи в ходе Гражданской войны, начали переходить в третий.

Советский режим на первых порах, в период Военного коммунизма, ориентировал свою научную политику на максимальную мобилизацию всех имеющихся в его распоряжении сил и ресурсов; именно поэтому его представители «закрывали глаза» на полученные при царской власти звания, чины и награды В. М. Бехтерева, идеалистические и антиматериалистические взгляды Г. И. Челпанова, эсеровское прошлое П. П. Блонского и антисоветские воззрения кадета С. Л. Франка. Большевистской России нужна была наука, в том числе и психологическая, поэтому соответствующие ученые ценились, и на их политические прегрешения до поры до времени можно было не обращать существенного внимания. Психологи ощущали такое отношение новой власти к себе, поэтому, по мере своих сил и с учетом материальных возможностей в условиях разрухи и голода, старались выполнять обозначенный государством «социальный заказ».

Таким образом, если говорить о взаимоотношениях между властью и психологической наукой в период 1917–1920 гг., то следует отметить их достаточно положительный в целом характер, который, по всей видимости, определялся их взаимной потребностью друг в друге.

Библиографический список

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991. 1922–1952. / сост. В. Д. Есаков. Москва : РОССПЭН, 2000. 590 с.
2. Алексеев П. В. Власть. Философия. Наука. Москва : Проспект, 2022. 464 с.
3. Аляев Г. Е. Семен Франк. Санкт-Петербург : Наука, 2017. 254 с.
4. Блонский П. П. Мои воспоминания. Москва : Педагогика, 1971. 175 с.
5. Богданчиков С. А. История советской психологии: 1920–1930-е гг. Москва : Директ-Медиа, 2014. 367 с.
6. Богданчиков С. А. Открывая Г. И. Челпанова : Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы : научная монография. Москва : Директ-Медиа, 2013. 428 с.
7. Будилова Е. А. Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. Москва : Наука, 2008. 390 с.
8. Выписка из протокола заседания Малой государственной комиссии по просвещению о создании Института по изучению мозга и психической деятельности // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград : Наука, 1968. С. 38–39.
9. Готье Ю. В. Мои заметки. Москва : Издательский центр «Терра», 1997. 588 с.
10. Долгова Е. А. Государственное регулирование науки в конце 1910 – конце 1920-х гг.: формирование модели // Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому / отв. ред. Е. А. Долгова, науч. ред. Д. С. Секиринский. Москва : РГГУ, 2024. С. 15–71.
11. Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Ленинград : Наука, 1988. 349 с.
12. Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). Москва : Наука, 1980. 392 с.
13. Из отчета Научного отдела Наркомпроса за 1917–1919 гг. о задачах в области организации науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград : Наука, 1968. С. 33–36.
14. Из программы Российской коммунистической партии (большевики) // В. И. Ленин, КПСС о развитии науки / под общ. ред. К. М. Боголюбова. Москва : Политиздат, 1981. С. 218–223.
15. Из протокола заседания Государственной комиссии по просвещению о работе Отдела по мобилизации научных сил при Наркомпросе // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград : Наука, 1968. С. 21–23.
16. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
17. Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда: Историко-социологические очерки. Ленинград : Лениздат, 1971. 340 с.
18. Кольцова В. А. Психология в России начала XX века (Предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. Москва : Институт психологии РАН, 1997. С. 10–48.
19. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. Москва : Канон, 1996. 496 с.
20. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. // В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. Москва : Политиздат, 1979. С. 88–89.

21. Логинова Н. А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 285 с.
22. Луначарский А. В. Ленин и народное образование : сб. ст. и выступлений. Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. 167 с.
23. Марцинковская Т. Д. Хроника жизни и творчества Г. И. Челпанова // *Философия психологии* / под ред. В. А. Лекторского. Москва : Политическая энциклопедия, 2016а. С. 89–94.
24. Марцинковская Т. Д. Хроника жизни и творчества П. П. Блонского // *Философия психологии* / под ред. В. А. Лекторского. Москва : Политическая энциклопедия, 2016б. С. 201–204.
25. Никифоров А. С. Основатель отечественной неврологии и психиатрии В. М. Бехтерев: Зигзаги судьбы и научной жизни. Москва : ЛЕНАНД, 2023. 272 с.
26. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 ч. 2 Ч.: Философия науки: Наука в социокультурной системе. Санкт-Петербург : Мирь, 2011. 495 с.
27. Петровский А. В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. Москва : Просвещение, 1967. 367 с.
28. Райков Б. Е. На жизненном пути: автобиографические очерки. В 2 кн. Кн. 1. Санкт-Петербург : Коло, 2011. 570 с.
29. Сизова А. Ю. Российская высшая школа в 1917 году: между самодержавием и большевизмом : монография. Москва : Проспект, 2023. 192 с.
30. Соболев В. С. Советская власть и Академия наук в 1920-е годы // *Культура и власть в СССР. 1920-1950-е годы* : мат. IX междунауч. конф. Москва : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2017. С. 423–428.
31. Сорокин П. Жизнь в царстве смерти: 1919-1922 // *Философский паромод. 100 лет в изгнании* / сост. Е. Мигунова. Москва : Родина, 2024. С. 339–371.
32. Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция. Москва : Знание, 1968. 48 с.
33. Франк С. Л. De profundis // *Манифесты русского идеализма* / сост. и ком. В. В. Сапова. Москва : Астрель, 2009. С. 865–889.
34. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. Москва : Нестор-История, 2022. 346 с.
35. Ярошевский М. Г. История психологии. Москва : Мысль, 1985. 575 с.
2. Alekseev P. V. Vlast'. Filosofija. Nauka = Power. Philosophy. Science. Moskva : Prospekt, 2022. 464 s.
3. Aljaev G. E. Semen Frank = Semyon Frank. Sankt-Peterburg : Nauka, 2017. 254 s.
4. Blonskij P. P. Moi vospominanija = My memories. Moskva : Pedagogika, 1971. 175 s.
5. Bogdanchikov S. A. Istorija sovetskoj psihologii: 1920-1930-e gg. = History of Soviet psychology: 1920-s-1930-s. Moskva : Direkt-Media, 2014. 367 s.
6. Bogdanchikov S. A. Otkryvaja G. I. Chelpanova : G. I. Chelpanov i ego shkola v kontekste istorii rossijskoj psihologii: issledovanija i materialy = Discovering G. I. Chelpanov: G. I. Chelpanov and his school in the context of the history of Russian psychology: research and materials : nauchnaja monografija. Moskva : Direkt-Media, 2013. 428 s.
7. Budilova E. A. Trudy po istorii ruskoj psihologicheskoj mysli: vtoraja polovina XIX – nachalo HH veka = Works on the history of Russian psychological thought: the second half of the XIX – the beginning of the XX century / otv. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova, T. I. Artem'eva. Moskva : Nauka, 2008. 390 s.
8. Vypiska iz protokola zasedanija Maloj gosudarstvennoj komissii po prosveshheniju o sozdanii Instituta po izucheniju mozga i psihicheskoj dejatel'nosti = Extract from the minutes of the meeting of the Small State Commission on Education on creating the Institute for the Study of the Brain and Mental Activity // *Organizacija nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925). Sbornik dokumentov. Leningrad : Nauka, 1968. S. 38–39.*
9. Got'e Ju. V. Moi zametki = My notes. Moskva : Izdatel'skij centr «Terra», 1997. 588 s.
10. Dolgova E. A. Gosudarstvennoe regulirovanie nauki v konce 1910 – konce 1920-h gg.: formirovanie modeli = State regulation of science in the late 1910 – late 1920-s: formation of a model // *Upravlenie naukoj: putevoditel' po sovetskomu proshlomu* / otv. red. E. A. Dolgova, nauch. red. D. S. Sekirinskij. Moskva : RGGU, 2024. S. 15–71.
11. Znamenskij O. N. Intelligencija nakanune Velikogo Oktjabrja (fevral'-oktjabr' 1917 g.) = Intelligentsia on the eve of the Great October (February–October 1917). Leningrad : Nauka, 1988. 349 s.
12. Ivanova L. V. Formirovanie sovetskoj nauchnoj intelligencii (1917-1927 gg.) = Formation of the Soviet scientific intelligentsia (1917–1927). Moskva : Nauka, 1980. 392 s.
13. Iz otcheta Nauchnogo otdela Narkomprosa za 1917–1919 gg. o zadachah v oblasti organizacii nauki = From the report of the Scientific Department of the People's Commissariat for 1917–1919. On the tasks in the field of science organization // *Organizacija nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925). Sbornik dokumentov. Leningrad : Nauka, 1968. S. 33–36.*
14. Iz programmy Rossijskoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov) = From the program of the Russian Communist Party (Bolsheviks) // V. I. Lenin, KPSS o

Reference list

1. Akademija nauk v reshenijah Politbjuro CK RKP(b) – VKP(b) – KPSS, 1922-1991. 1922-1952 = Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the RCP Central Committee (b) – VKP (b) – CPSU, 1922-1991. 1922-1952 / sost. V. D. Esakov. Moskva : ROSSPJeN, 2000. 590 s.

razvitiu nauki / pod obshh. red. K. M. Bogoljubova. Moskva : Politizdat, 1981. S. 218–223.

15. Iz protokola zasedanija Gosudarstvennoj komissii po prosveshheniju o rabote Otdela po mobilizacii nauchnyh sil pri Narkomprose = From the minutes of the meeting of the State Commission for Education on the work of the Department for the mobilization of scientific forces under the People's Commissariat of Education // Organizacija nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925). Sbornik dokumentov. Leningrad : Nauka, 1968. S. 21–23.

16. Kislicyn S. A. Nauchnaja jelita v sisteme politicheskoy vlasti = Scientific elite in the system of political power. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.

17. Klushin V. I. Pervye uchenye-marksisty Petrograda: Istoriko-sociologicheskie ocherki = The first Marxist scientists of Petrograd: Historical and sociological essays. Leningrad : Lenizdat, 1971. 340 s.

18. Kol'cova V. A. Psihologija v Rossii nachala HH veka (Predrevoljucionnyj period) = Psychology in Russia at the beginning of the twentieth century (Pre-revolutionary period) // Psihologicheskaja nauka v Rossii HH stoletija: problemy teorii i istorii / pod red. A. V. Brushlinskogo. Moskva : Institut psihologii RAN, 1997. S. 10–48.

19. Levickij S. A. Oчерki po istorii russkoj filosofii = Essays on the history of Russian philosophy. Moskva : Kanon, 1996. 496 s.

20. Lenin V. I. Rech' na I Vserossijskom sezde uchitelej-internationalistov 5 ijunja 1918 g. = Speech at the I All-Russian Congress of Internationalist Teachers on June 5, 1918 // V. I. Lenin, KPSS ob intelligencii. Moskva : Politizdat, 1979. S. 88–89.

21. Loginova N. A. Opyt chelovekoznanija: Istorija kompleksnogo podhoda v psihologicheskikh shkolah V. M. Bekhtereva i B. G. Anan'eva = The experience of human science: The history of an integrated approach in the psychological schools of V. M. Bekhterev and B. G. Ananyev. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 285 s.

22. Lunacharskij A. V. Lenin i narodnoe obrazovanie = Lenin and public education : sb. st. i vystuplenij. Moskva : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1960. 167 s.

23. Marcinkovskaja T. D. Hronika zhizni i tvorchestva G. I. Chelpanova = Chronicle of the life and work of G. I. Chelpanov // Filosofija psihologii / pod red. V. A. Lektorskogo. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2016a. S. 89–94.

24. Marcinkovskaja T. D. Hronika zhizni i tvorchestva P. P. Blonskogo = Chronicle of the life and work of P.P.

Blonsky // Filosofija psihologii / pod red. V. A. Lektorskogo. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2016b. S. 201–204.

25. Nikiforov A. S. Osnovatel' otechestvennoj nevrologii i psichiatrii V. M. Bekhterev: Zigzagi sud'by i nauchnoj zhizni = Founder of Russian neurology and psychiatry V. M. Bekhterev: Zigzags of fate and scientific life. Moskva : LENAND, 2023. 272 s.

26. Ogurcov A. P. Filosofija nauki: dvadcatyj vek: Konceptii i problemy = Philosophy of science: twentieth century: concepts and challenges: V 3 ch. 2 Ch.: Filosofija nauki: Nauka v sociokul'turnoj sisteme. Sankt-Peterburg : Mir, 2011. 495 s.

27. Petrovskij A. V. Istorija sovetskoj psihologii: Formirovanie osnov psihologicheskoy nauki = History of Soviet psychology: Formation of the foundations of psychological science. Moskva : Prosveshhenie, 1967. 367 s.

28. Rajkov B. E. Na zhiznennom puti: avtobiograficheskie oчерki = On Life's Journey: autobiographical essays. V 2 kn. Kn. 1. Sankt-Peterburg : Kolo, 2011. 570 s.

29. Sizova A. Ju. Rossijskaja vysshaja shkola v 1917 godu: mezhdru samodержaviem i bol'shevizmom = Russian Higher School in 1917: between autocracy and Bolshevism : monografija. Moskva : Prospekt, 2023. 192 s.

30. Sobolev V. S. Sovetskaja vlast' i Akademija nauk v 1920-e gody = Soviet power and the Academy of Sciences in the 1920-s // Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920-1950-e gody : mat. IX mezhdun. nauchn. konf. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija ; Prezidentskij centr B. N. El'cina, 2017. S. 423–428.

31. Sorokin P. Zhizn' v carstve smerti: 1919-1922 = Life in the realm of death: 1919-1922 // Filosofskij parohod. 100 let v izgnanii / sost. E. Migunova. Moskva : Rodina, 2024. S. 339–371.

32. Fedjukin S. A. Oktjabr'skaja revoljucija i intelligencija = October Revolution and intelligentsia. Moskva : Znanie, 1968. 48 s.

33. Frank S. L. De profundis // Manifesty russkogo idealizma = Manifestos of Russian idealism / sost. i kom. V. V. Sapova. Moskva : Astrel', 2009. S. 865–889.

34. Frumkin K. G. Ljubovanie uchenym soslovijem: Otrazhenie social'noj istorii sovetskoj nauki v literature, iskusstve i publichnoj ritorike = Admiration for the scientific estate: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric. Moskva : Nestor-Istorija, 2022. 346 s.

35. Jaroshevskij M. G. Istorija psihologii = History of psychology. Moskva : Mysl', 1985. 575 s.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.